

ИЗ ЖИЗНИ БАЛЕТА

Такое случается не часто: артист балета, которого ты видишь на сцене, является и героем только что вышедшей книги, позволяющей увидеть артиста не с парадной стороны очередного успеха, отмеченного в учтивых рецензиях, а в момент сосредоточенного раздумья о своей судьбе, возможностях реализованных и похороненных, то есть о той сокровенной сути, что раскрывается далеко не всегда и не каждому, а лишь в редкую минуту доверительной беседы с другом.

Итак, несколько мыслей, высказанных вслух Валерием Михайловским:

«Что вам не нравится в исполнении балеринами классических партий?» — «Небрежность. Формализм. Бессмысленное соблюдение позиций, когда руки иначе, как через первую позицию пройти не могут. Точно так же, как мы бы с вами сейчас раз-

Вез. Москва. - 1994. - 12 нояб. - с. 5.

жет красиво сделать женщина. Если, например, мне нужно пройти, как бы это сделала женщина, я буду движения выделять. Это во-первых. Во-вторых, со стороны, как говорится, виднее. Поскольку женщина делает то, что для нее привычно и естественно, пропускаются отдельные нюансы, на которые она, опять же потому, что для нее это есте-

«Танцовщицу много, балерин мало»

Впечатления о гастролях труппы
«Мужской балет Валерия Михайловского»

говаривали, вы-го-ва-ри-ва-я каждую букву. Я этого не понимаю, потому что всегда стремился к абсолютному раскрепощению и свободе в танце, чтобы как можно точнее и естественнее выразить нужную эмоцию. Полное непонимание: что, про что и как ты танцуешь. Отсутствие достоинства балерины, несмотря на то, что и пируэты крутятся, и прыжки неплохие, а вот достоинства как бы и нет. Как ощущения себя значительной личностью. Это видно во всем. Танцовщица может просто выйти на сцену, и от одного того, как она вышла, видно: балерина — не балерина. Я бы сказал так: танцовщиц много, балерин мало».

В тот вечер в почти полном зале Вахтанговского театра, где проходили гастролы труппы «Мужской балет Валерия Михайловского», зрители в полной мере могли почувствовать справедливость этих слов. Знаменитое гран-па из «Пахиты» на музыку Людвига Минкуса, созданное Мариусом Петипа в 1881 году, предстало в таком ошеломляюще обворожительном виде, что публика разразилась аплодисментами при первом же появлении «солист-ки». Подкупающий шарм, пленительное кокетство, особый балеринский шик — все это мгновенно зажгло зал, радостно принявший «правила игры». Тонкое ощущение стиля, неподражаемая элегантность, прославленное петербургское брио только выигрывали в соседстве с легкой иронией, с какой подавались все эти восхитительные позы, полные мягкой прелести, сквозившей в чеканной форме классического танца у лукаво неприступных служительниц Терпсихоры.

Сам внешний вид их — в старинных пачках, за длиной которых в свое время неукоснительно наблюдала дирекция императорских театров, — молниеносно переносил в атмосферу упоительного парада балерин, каждая из которых не просто демонстрировала замечательную технику, но и чаровала грациозной женственностью, так великолепно уловленной Петипа в его хореографических пассажах и нашедшей выражение в полузабытой ныне заповеди: «ручкой, ножкой попокетливей». Что ни вариация, то новая грань женского характера. Целая россыпь хореографических драгоценностей!

Когда же среди сказочных «гурий рая» появился представитель сильной половины рода человеческого, по залу прошлестел смех: между царственным прекрасным, высоких, стройных танцовщиц как-то особенно сиротливо выглядела хрупкая фигурка премьера. С отчаянной решимостью он брался за талию «балерины», и она, картинно став на пальцы (отчего партнер зримо сокращался в росте), эффектно вскидывала вверх ногу — и на секунду бросала взгляд через плечо вниз на кавалера: готов? Традиционные туры с поддержкой завершались громом аплодисментов зрителей, отдававших должное отваге танцовщицы, решавшейся вручить свою талию (и, следовательно, судьбу финальных туров) субтильному кавалеру.

Особый успех имела заключительная точка гран-па, когда балерина, окруженная коленопреклоненными солистами, с горделивой легкостью подняла над головой партнера, послушно замершего в ее руках, как бы венчая танец своеобразной короной. Тут даже самые неувлечивые зрители были покорины этой веселой шуткой балета над собственными штампами, теми волшебными клише, что способны обернуться чудесным вымыслом, расцвеченным блестящими изящного остроумия, когда к этим, якобы «безнадежно устаревшим шаблонам», прикасаются руки (и ноги) подлинных мастеров: Валерия Михайловского, Льва Радченко, Александра Семенчукова, Александра Строкина, Вадима Недвигина, Олега Новожилова, Алмаза Шамырлиева.

Отвечая на вопрос, почему в мужском исполнении женские партии смотрятся намного красивее, Валерий Михайловский говорит: «Потому, что мы делаем то, что нам не свойственно. Поэтому мы не делаем, а выделяем движения, стараемся их преподнести так, как в нашем представлении мо-

ственно, не обращает такого пристального внимания, как мы. Какие-то движения мы чуть-чуть выделяем, может, и утрируем, акцентируем специально. И только потому, что мы делаем то, что нам не свойственно, в исполнении нет машинности и механичности. Поэтому все так и смотрится. Потому что все продумывается».

В том, что художественный руководитель труппы заслуженный артист России Валерий Михайловский все тщательно взвешивает, сомневаться не приходится, и первая его забота — репертуар, его качественный уровень, на котором и происходит подлинный творческий рост артистов. Не случайно на гастрольной афише рядом с торжественно иро-

ничным гран-па из «Пахиты» соседствует лирически взволнованная «Серенада», имеющая подзаголовок «Гимн друзьям». Созданное на музыку Серенады для струнного оркестра П. И. Чайковского это хореографическое признание (балетмейстер В. Карелин) несет в себе то емкое содержание, что сродни самой сути поэзии, музыки — исповедь взволнованного сердца.

«Еще вчера они были соперниками. Каждый приходит ночью под балкон, чтобы одиноко отдать самое сокровенное, раскрыть затаенное и выпить грусть всегда пустого балкона и уйти, чтобы следующей ночью опять сюда вернуться». Балетмейстер В. Карелин сумел придать академичным движениям мужского танца ту острую экспрессивную пластическую интонацию, что отличает мироощущение современного человека, не теряя при этом общезначимости главной идеи — так было и будет всегда, неистребима человеческая тяга к взаимопониманию, дружбе, любви. Как говорит сам В. Михайловский, один из исполнителей «Серенады»: «Я просмотрел много материалов о Чайковском. В моем восприятии вся его музыка, весь ее трагизм — от его жизни. От его несогласия с самим собой. Отсюда и его внутренняя борьба. И тема любви... Ни у одного композитора, мне кажется, тема любви не выражена так сильно и в какой-то момент — страшно. Красиво и трагично. Как и было у него самого в жизни».

Знакомство с труппой «Мужского балета» оставило желание новых встреч — верный признак настоящего творческого успеха, основанного на стремлении постижения ценностей непреходящих, о чем, как о глубоко выношенном, говорил художественный руководитель Валерий Михайловский: «Вообще меня всегда привлекает недосказанность. Индивидуальность. Тогда интересно заглядывать внутрь».

Н. ОНЧУРОВА,
зав. отделом журнала «Балет»